

18+

ЭЛЕН ЛУТ

Порождения Тьмы

ХРАНИТЕЛЬ МИРОВ

Элен Лут

**Порождения Тьмы.
Хранитель миров**

«Издательские решения»

Лут Э.

Порождения Тьмы. Хранитель миров / Э. Лут — «Издательские решения»,

Элейн с детства считали чужой и проклятой. Но когда из тьмы приходят чудовища, уничтожая города и судьбы, ей предстоит узнать правду о своём происхождении и силе, которую боятся даже боги. Потеряв всё, что любила, Элейн должна взять в руки меч Эльвендрэй и сделать выбор: погибнуть во мраке или стать той, кто встанет на защиту миров.

© Лут Э.

© Издательские решения

Содержание

Хранитель миров	6
1. Вступление	7
2. Нежданный гость	9
3. Дурная весть	13
4. Страшная ночь	16
5. Потасовка	19
6. День Имянаречения	23
7. Первый урок	25
8. Испытание	28
9. Хижина в лесу	31
10. День печали	36
11. Одна в лесу	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Порождения Тьмы Хранитель миров

Элен Лут

© Элен Лут, 2026

ISBN 978-5-0070-7870-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хранитель миров

Порождения тьмы

Предисловие

На севере Великого межгорья, у Ледяного моря, возвышаются величественные горы, укрытые вечным снегом. В ясную погоду под лучами солнца снежные вершины блестят, будто усыпаны множеством звезд. Люди называют их Белыми горами, а эльфы — Эстаинэль, в честь своей любимой звезды.

Своими белоснежными пиками, достигающими самого неба, горы защищают долину от ледяных ветров. За ними простирается Белая пустошь — бескрайняя равнина, где снег не тает даже летом. Это губительное и безлюдное место. Лишь самые отчаянные смельчаки решались пробраться туда — и далеко не все возвращались.

На юге Великого межгорья находятся Голубые горы. Они ниже северных, но не менее прекрасны. В их вершинах рождается река; срываясь каскадом водопадов, она падает в прозрачные воды Нэн Кэнедриль — «озера-зеркала». У подножья Голубых гор шумит густой лиственный лес — Зеленолесье, где живут лесные эльфы.

Неподалёку от северных гор лежит плато, поросшее хвойным лесом. Там стоит небольшой город Айсвилль. С трёх сторон его защищают горы, а с четвёртой — высокий бревенчатый частокол с мощными воротами, которые запираются на ночь. В Айсвиле около сотни деревянных домов с небольшими окнами и низкими дверями.

Здесь живёт северный народ — норланды, могучие воины и искусные охотники. Долгое время они защищали равнинные земли от западных захватчиков, пришедших с моря. Во главе Айсвиля стоит ярл Воибор. И всякий, кто проводил здесь хотя бы одну зиму, знал: опасность приходит не только с запада.

1. Вступление

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая заснеженные вершины в алый. По дороге, слегка припорошенной снегом, шли четверо мужчин. Двое вели под узды лошадей: те тащили на волокуше тушу огромного зверя. Впереди шагал высокий рыжеволосый широкоплечий воин в меховой накидке. Густая борода почти скрывала глубокий шрам на левой щеке. Он улыбался и, напевая басом шутливую песенку, по-дружески хлопнул по плечу худощавого темноволосого спутника.

— Что ты такой хмурый, Ивар? Мы славно поохотились. Во какого зверюгу завалили!

— Ярл, — с досадой отозвался Ивар. — Я обещал сестре присмотреть за тобой, а ты опять сломя голову на зверя полез. Весной ты был весь изранен, все думали, что уйдёшь к праотцам. Тур не кролик ведь! Вон, коня твоего одним махом завалил!

Воибор нахмурился, но ладонь с плеча друга не убрал.

— Ивар, дружище, не гоже воину за бабскую юбку держаться. У Сентавы доля такая: ждать меня с победой... или оплакивать. И больше не заводи об этом.

Он с силой сжал плечо Ивара, затем тряхнул головой, словно отмахиваясь от навязчивых мыслей, и снова улыбнулся.

— Зато народ голодать не будет. Тур громадный, да и телят мы взяли. Сегодня устроим пир — пусть Айсвиль повеселится!

Воибор резко остановился и нахмурился. Посмотрев в даль, он тяжело вздохнул и с горечью произнес:

— Хотя Сигурда жаль, конечно. Знатный был конь... верный.

К вечеру небо заволокло чёрными тучами, и крупными хлопьями повалил снег. Посильнее укутавшись в меховые накидки, мужчины дошли до городских ворот.

— Ярл вернулся! — крикнул стражник со стены.

Раздался скрип цепи, и тяжёлые дубовые ворота медленно отворились, впуская охотников. На площади стали собираться жители Айсвиля, которые радостно приветствовали охотников.

— Остальные скоро подъедут, телят пригонят! — громко скомандовал Воибор. — Тушу — разделать. Телят — в загоны. Большой зал подготовить! Сегодня празднуем удачную охоту!

Послышались радостные возгласы. Весело обсуждая предстоящий пир, люди стали расходиться по делам.

Воибор и Ивар направились к высокому деревянному дому с резным крыльцом. Ярл оббил ноги от снега, взялся за ручку и открыл тяжёлую дубовую дверь. В комнату ворвался морозный ветер, занеся несколько снежинок — они тут же растаяли на полу. Мужчины вошли, и в лицо ударило приятное тепло. В конце большой комнаты весело потрескивал огонь в очаге. Сквозь небольшие окна падал свет заходящего солнца, окрашивая стены в розоватый цвет.

Воибор снял заснеженную накидку, стряхнул снег и кинул её на лавку. Из соседней комнаты выбежала стройная светловолосая девушка — совсем юная — и обвила ярла за шею.

— Как прошла охота? — спросила она, всматриваясь в лицо Воибора. — Все целы?

— Да, — ответил Ивар. — Все целы. Вот только конь ярла пал.

— Ох... — девушка вздрогнула и прижалась к Воибору.

— Сентава, да будет тебе, — сказал ярл. — Все ведь живы.

Воибор нежно обнял жену за талию и поцеловал её в висок. На душе у него стало тепло — он снова чувствовал себя влюблённым юношей, как тогда, много лет назад.

— Сама-то ты как? — спросил он. — Как наш сынишка?

Сентава подняла на него голубые, как небо, глаза. В них читалась тревога.

— Ещё с утра Русинко капризничал и плохо ел. Наверное, зубки режутся. Только сейчас уснул.

Воибор нахмурился. Он погладил жену по щеке и вошёл в маленькую комнату. На стене горел светильник из рога, отбрасывая пляшущие жёлтые блики. У стены стояла детская кроватка. В ней, тихо посапывая, спал пухлый полугодовалый малыш.

Воибор улыбнулся и осторожно поправил меховое покрывало.

Вдруг с улицы донёсся шум и встревоженные крики. Дверь распахнулась, и в дом вбежал перепуганный юноша.

— Ярл! На нас напали!

Воибор спешно вышел из спальни сына и сорвал меч со стены.

— Ивар, быстрее! Посмотрим, кто посмел вторгнуться! Он резко открыл дверь и выбежал во двор.

2. Нежданный гость

Солнце почти скрылось за горой, оставляя алый отблеск на крышах. Ночь медленно накрывала Айсвилль, и ветер всё сильнее гнал по площади крупные снежинки. Люди сустились, готовясь к вечернему пиру.

Воздух вдруг пронзил громкий щелчок — и прямо над землей, в самом центре площади, вспыхнул портал. Голубое пламя дрожало в воздухе, как разорванное полотно.

Из него вышла высокая худощавая фигура в тёмном плаще. Лицо скрывал глубокий капюшон. Портал сразу же исчез за спиной незваного гостя, оставив после себя резкий запах озона и тревожную тишину.

Люди с криками бросились врассыпную. Стража, выхватив мечи, кинулась на незваного гостя.

— Алаинтэ, — тихо произнёс чужак и повёл рукой.

Стражники рухнули на снег один за другим, будто им одновременно подрубили ноги.

Воибор с обнажённым мечом выбежал на площадь и встал, заслонив собой ближайших жителей. Ветер трепал его огненно-рыжие волосы, снег кружил вокруг, словно взбесившаяся стая белых птиц. Холод пробирал до костей, но ярл не отступил ни на шаг.

— Ты кто такой?! — рявкнул он.

Незнакомец медленно повернулся. Половина лица всё ещё тонула в тени капюшона, но уголки губ приподнялись в знакомой улыбке.

— Нае сиан, друг мой, — сказал он и откинул капюшон. — Неужели у людей такая короткая память, что они забывают старых друзей?

Воибор увидел бледное лицо незнакомца. Ветер растрепал его длинные темные волосы, собранные сзади в косичку, обнажив заостренные эльфийские уши.

— Таурендил, дружище! — радостно вскрикнул Воибор.

Он уже шагнул навстречу — и тут заметил тела стражников на снегу.

— Но зачем ты это сделал?! — голос ярла стал жёстче.

— Не беспокойся, мой друг. Это всего лишь сонные чары, — улыбаясь ответил эльф, небрежно махнув рукой в сторону стражи.

Один из стражников у ног Воибора захрапел так громко, что рядом кто-то тихо хихикнул.

— Кхе, — усмехнулся ярл. — Ивар, Лесьяр, разбудите этих олухов.

Воибор шагнул вперед и, широко улыбаясь, обнял своими ручищами хрупкие плечи эльфа.

— Рад тебя видеть, дружище. Давно ты не появлялся...

И тут ярл заметил, как плащ Таурендила чуть выпирает спереди, будто он что-то прячет под ним. Улыбка сошла с лица Воибора.

— Сейчас не время для сбора трав. Значит, ты ко мне по делу?

Таурендил перестал улыбаться. В глазах появилась усталость и печаль. Он едва заметно кивнул.

— Идём, — коротко сказал Воибор и повёл его к дому.

Снег валил всё сильнее, быстро укрывая мостовую. Таурендил плотнее закутался в плащ и поспешил за Воибором, оставляя следы на белом снегу.

Зайдя в дом, Воибор обратился к прислуге:

— Принеси хмельного мёду. И оставь нас.

Молодая темноволосая девушка поставила на стол у камина две глиняные кружки, поклонилась и быстро ушла.

— Садись, — сказал Воибор. — И рассказывай, что привело тебя в наши края.

Таурендил сел у огня. Пламя осветило его измождённое лицо; в глазах сквозила глубокая боль, которую невозможно скрыть улыбкой.

— Так значит у тебя что-то стряслось, раз ты пришел в такую пору, — произнес ярл.

Эльф словно очнулся от тяжёлых мыслей.

— Ты прав, — выдохнул он. — Без нужды я бы не тревожил тебя. Но обстоятельства вынудили.

Он откинул край плаща, и Воибор увидел крепко спящего младенца. Это был здоровый и пухлый малыш. На вид ему было около трех месяцев. Ярл заметил, что у ребенка были обычные человеческие уши.

— Человеческий ребенок? — нахмурился ярл. — Откуда он у тебя? Разве эльфы не сторонятся людей?

— Это дочь моего погибшего друга, — сказал Таурендил, и на миг его голос дрогнул. — Когда-то я спас тебя, Воибор. Теперь прошу: укрой это дитя. Её жизнь в опасности. Здесь её никто не станет искать.

Воибор молча провёл ладонью по бороде. Он хорошо помнил, как в детстве эльф спас его от разъяренного медведя.

— Дитя нужно спрятать, говоришь, — медленно проговорил ярл. — Знаю, кому можно доверять. Есть у меня травница Друда. Ей около двадцати пяти. Весной мужа потеряла, потом родила мёртвую девочку. С тех пор разум у неё помутился: всё твердит, что дочка жива, только болеет.

Таурендил насторожился, и Воибор тут же добавил:

— Не бойся. Она безобидная. И малышку в обиду не даст. Вырастит как свою.

Эльф помедлил, затем кивнул.

— Девочку зовут Элейн. Оставь это имя. Так я смогу её найти, где бы она ни была.

Воибор отпил мёда и тяжело вздохнул:

— Пусть будет Элейн. Хотя имя и не наше... — Он повернулся к двери. — Сентава, милая, пошли кого-нибудь за Друдой.

Из соседней комнаты вышла светловолосая молодая девушка. Она с опаской взглянула на эльфа и поспешила выполнить приказ.

Таурендил проводил её взглядом.

— У тебя появилась молодая жена?

Воибор помрачнел. Казалось, что даже постарел в одночасье. На его лбу залегли глубокие морщины, а в глазах притаилась боль.

— Таурендил, тебя ведь лет десять не было, — глухо сказал он. — Моя жена Ясинка умерла при родах. Первенец тоже не выжил. Я долго горевал, думал, что не смогу даже смотреть на других. А год назад встретил Сентаву и снова почувствовал себя живым. В начале лета у меня родился наследник Русинко.

На этих словах ярл невольно улыбнулся — но взгляд его оставался тяжёлым. Он посмотрел на Таурендила внимательнее: лицо эльфа всё так же было молодо, однако в карих глазах лежала скорбь, а на висках поблёскивала седина.

— А ты постарел, мой друг, — заметил Воибор.

Таурендил слабо улыбнулся.

— Мне три тысячи лет, Воибор. Я стар даже по эльфийским меркам. Я помню, как в горах Эстаинэль жили эльфы... А потом пришли люди и назвали их Белыми.

— Значит, оба мы уже не молоды, — пробасил ярл, поднимая кружку. — Давай выпьем, мой старый друг!

Эльф пригубил мёд. Он обжёг горло и разлился по телу теплом. На миг Таурендилу стало почти спокойно — как будто прежняя жизнь могла вернуться. Но он знал: этого не будет.

— Я останусь у тебя на пару дней, — сказал он. — Мне нужно восстановить магическую силу. Я её сильно растратил.

— Оставайся сколько потребуется, — ответил Воибор и по-дружески хлопнул его по плечу.

Снаружи слышались быстрые шаги по снегу и осторожный стук. Дверь приоткрылась, выпуская морозный воздух. На пороге стояла женщина в тёплой шубе и пуховом платке.

— Господин... ты хотел меня видеть? — раздался настороженный, дрожащий голос.

Она вошла на пару шагов, не решаясь приблизиться, и скинула платок. Молодая женщина с каштановыми волосами испуганно посмотрела на ярла.

— Друда, проходи. Не бойся, — сказал Воибор.

Женщина подошла, теребя край платка. Она с беспокойством смотрела то на ярла, то на эльфа.

— Мне нельзя долго... Дочка болеет, она одна дома, — торопливо сказала она.

Воибор поднялся, взял Друду за руку и накрыл её ладонь своей — большой, тёплой.

— Друда, твоя дочь здесь, — сказал он и указал на младенца.

Друда взглянула на ребёнка с тревогой и недоверием.

— Боги смилостивились над тобой и исцелили твою девочку, — продолжил ярл. — Бог солнца Терс дал ей новое имя. Теперь её зовут Элейн.

Воибор осторожно поднял малышку и передал Друде. Та осторожно взяла девочку на руки, не веря своему счастью.

— Доченька моя... — прошептала она, прижимая малышку к груди.

И тут улыбка исчезла с её лица. Друда в ужасе посмотрела на ребенка, который неподвижно лежал у нее на руках.

— Почему?... Почему она молчит? — вскрикнула Друда и начала трясти малышку. — Господин, почему она молчит?!

Она продолжала трясти ребенка, словно надеялась, что это приведет девочку в чувства. На её лице отразился безумный страх.

Таурендил незаметно сделал знак рукой, снимая сонные чары.

Малышка вздрогнула — и разразилась громким плачем.

— Успокойся, — произнес Воибор. Его грубый голос звучал почти нежно. — Она просто крепко спала.

Друда всхлипнула, прижала Элейн к себе и несколько раз поклонилась ярлу. В её глазах смешались благодарность и страх.

— Пойдём домой, доченька... — прошептала она, закутывая ребёнка в платок, и поспешила прочь, бормоча что-то себе под нос.

Таурендил смотрел ей вслед. В груди боролись надежда и тревога: сможет ли эта женщина стать настоящей матерью малышке?

Воибор понял его без слов.

— Не беспокойся, Таурендил. Друда вырастит девочку как свою, — сказал он и слегка стукнул кружкой о кружку друга.

Эльф слабо улыбнулся и пригубил мёд. Огонь в камине потрескивал, но в сердце всё равно была боль — только теперь она была тише.

3. Дурная весть

В горах над Айсвилем располагалась Долина богов. Там стояли три идола, вырезанные из дерева. Земля вокруг было выложена мелким камнем. Около каждого идола лежала каменная плита, которая служила алтарем — на них жрица приносила жертвы богам.

Солнце почти село за горы, и последние лучи окрашивали снежные вершины в кровавый цвет. Ночь вступала в свои владения. В Долине богов, у одного из идолов, горел костёр. Перед ним на коленях стояла немолодая женщина в шкурах. Она опустила голову и шептала молитвы, которые знала с детства.

Её тёмные волосы с седыми прядями были заплетены в две косы и украшены птичьими перьями. На шее висело ожерелье из черепов мелких зверьков. Всё так же шепча, женщина положила на алтарь посох, украшенный резьбой и козлиным черепом. Это была Ведана — жрица Долины богов.

Ветер усилился, и вокруг костра, словно оживая, начали сгущаться тени. Ведана подняла живую курицу.

— О Морена, владычица ночи и повелительница смерти! — прохрипела она. — Взываю к тебе. Яви нам милость и прими эту кровь.

Она отрезала курице голову и щедро окропила идола тёплой кровью. Затем положила ещё трепыхающееся тело на алтарь. Огонь вспыхнул ярче — и в его отблесках Ведана увидела силуэт младенца.

Тишину разорвало хлопанье крыльев. Стая ворон с криком сорвалась с камней и понеслась вниз, к городу. Ведана вздрогнула, схватила посох и поспешила по горной тропе.

В Айсвиле в это время всюду шло гулянье. В большом зале стояли столы, ломившиеся от еды. Люди смеялись, перекрикивали музыку, кружились в танцах; одни тянулись за сочным мясом, другие — за сладким угощением. Светильники из рога ярко освещали стены и балки. Посреди зала горел открытый очаг, на котором жарилось мясо добытого зверя. В дальнем конце мужчины мерились силой в борьбе, и каждый удачный бросок встречали криками.

Служанки едва успевали носить кувшины с элем и хмельным мёдом.

Во главе стола сидел Воибор в праздничной одежде. По левую руку от ярла — Сентава в длинном голубом платье, отороченном соболиным мехом. Белокурые волосы были убраны в причёску, а на голове сияла диадема с голубым камнем.

Неподалёку сидел Таурендил. Его доставал разговорами рыжеволосый здоровяк, который был уже изрядно пьян. Борода у того была мокрая от эля.

— Вот скажи, эльф, — пробасил он, хлопнув Таурендила по плечу, — разве у вас есть такой чудесный эль?

Таурендил сдержанно улыбнулся.

— Эль и вправду хорош, но мой народ предпочитает вино, — сказал он, наклоняясь ближе, чтобы не потеряться в шуме. — Хотя ни эль, ни вино эльфов не сравнятся с тем, что дарит дружба и радость общения.

Рыжебородый удивлённо приподнял брови.

— Да ты философ, эльф! — расхохотался он, хлопнул в ладони, отпил и, наклонившись к уху гостя, прошептал: — Вот скажи, эльф, ваши эльфийские бабы фигуристые или тощие, как ты?

Таурендил поперхнулся. Потом прищурился — и на губах заиграла улыбка.

— Наши женщины не такие фигуристые, как ваши, но тоже хороши собой, — ответил он, улыбаясь шире.

Здоровяк причмокнул и залпом осушил кружку.

— Благор, не доставай гостя, — пробасил Воибор.

Благор кивнул ярлу и тут же налил себе ещё.

— Тау... ик... Туарендииил, — выговорил он, — давай, дружище, выпьем за наших баб и нашу дружбу!

Он жадно пил, и эль струйками стекал по бороде. Таурендил, глядя на него, рассмеялся, осушил свою кружку и почувствовал, как тепло ударило в голову. Он оглядел зал: музыка, смех, шум — всё это так отличалось от эльфийских праздников... и почему-то нравилось ему до странной, почти болезненной тоски.

Вдруг дверь распахнулась настежь. Морозный ветер ворвался в зал, и языки пламени в очаге заметались. Музыка смолкла, веселый гомон перешёл в приглушённый шёпот.

Опираясь на посох, в зал вошла Ведана. Её длинные, тронутые сединой волосы растрепались под напором ветра. Чёрные глаза внимательно обвели зал. Жрицу знали все — её боялись и уважали.

Ведана сделала несколько шагов, и люди замерли, будто не решаясь вдохнуть. Мрачное предчувствие повисло в воздухе. Жрица опустила посох — он глухо ударился о пол, разрывая тишину.

Она направилась к ярлу, но, заметив Таурендила, остановилась. В глазах вспыхнул гнев. Ведана подняла посох и указала им на эльфа.

— Ты... — прошипела она. — Ты принёс с собой дитя. Оно принесёт великую беду! Смерть идёт за ним по пятам!

По залу прокатились шёпот и испуганные взгляды.

Воибор резко поднялся.

— Ведана! — прогремел его голос. — Зачем ты портишь нам праздник?

Жрица медленно повернулась к нему и слегка поклонилась.

— Господин, богиня Морена дала знак. Это дитя принесёт горе нашему народу, — твёрдо сказала она.

Воибор нахмурился; в глазах сверкнули гнев и недоверие.

— Ты смеешь говорить о горе на нашем празднике? — он сжал кулаки. — Разве это не время радости?

Ведана подняла голову. Голос её был холоден, как зимний ветер.

— Твоё веселье не отменяет предвестий. Я видела знамение, и оно говорит о беде. Неужели ты предпочтешь игнорировать предупреждение богини?

В зале поползли шёпоты. Кто-то затаил дыхание, кто-то пробормотал имя Терса.

— Ведана, — прогремел Воибор, — ты жрица Долины богов, а не одной Морены. Ты должна приносить дары всем: Терсу — богу света, Ладе — богини мира, Роду — богу жизни... всем. А ты всё видишь только через тьму.

Ведана сжала посох так, что побелели пальцы.

— Морена — та, кто видит конец каждой тропы, ярл. Её знаки нельзя игнорировать.

— Ты слишком часто произносишь её имя, — резко ответил Воибор. — И слишком редко вспоминаешь остальных. Тьма Морены затмила тебе разум.

— Воибор, ты должен прогнать чужака, — не унималась она. — Иначе гнев богини обрушится на тебя.

— Довольно! — рявкнул ярл. — Таурендил — мой гость и старый друг! Убирайся. И если хочешь служить богам — служи всем, как клялась у идолов!

Ведана зло посмотрела на эльфа, развернулась и вышла. Пир продолжился — но прежнего веселья уже не было. Люди всё чаще перешёптывались и украдкой смотрели на Таурендила, словно пытались разглядеть в нём причину грядущей беды.

4. Страшная ночь

Время двигалось к полуночи. Народ уже разошёлся по домам. Лишь грязная посуда на столах да дым ещё неостывшего очага напоминали о недавнем веселье.

Воибор с женой готовились ко сну. Он, захмелевший, сидел на краю кровати, а Сентава снимала с него сапоги.

— Воибор, любимый... меня тревожат слова жрицы, — тихо сказала она и подняла на мужа глаза. — Ведана ведь почти никогда не ошибается. А если эльф и его дитя принесут горе? Может, ему с ребёнком лучше уйти? Ты же знаешь, что ничего хорошего от чужаков не приходится ждать.

— Довольно! — зло отмахнулся Воибор. — Таурендил не чужак. Поняла? Он мне больше, чем друг... он мне как брат.

Он встал, пнув ногой сапоги, и подошёл к окну. В крошечной темноте слышались завывание вьюги и далёкий волчий вой. Ярл тяжело вздохнул и заговорил, словно оправдываясь — и перед женой, и перед самим собой:

— В детстве, когда прошло мое Имянаречение, я должен был сам убить зверя. Я был глуп и очень самонадеян, когда пошел на медведя. Зверь подмял меня под себя и начал рвать в клочья. Вот тут и подросел Таурендил. Он убил медведя и залечил мои раны. Через пару дней я смог встать на ноги. Если бы не он, то меня бы не было. И ты хочешь, чтобы я отказал Таурендилу в помощи?!

Воибор сердито взглянул на жену. Сентава прильнула губами к его руке, будто пытаясь унять его гнев.

— А Ведане следовало бы меньше молиться Морене, — ярл резко одёрнул руку. — Того и гляди тьма завладеет ею.

Ночь постепенно укрыла дом тишиной. Лунный свет струился сквозь занавески, рисуя серебристые узоры на полу, а в углу тихо урчал кот. До рассвета было далеко, когда ярла и его жену разбудил крик служанки:

— Госпожа! Ваш сын!.. Он задыхается!

Воибор и Сентава вбежали в комнату Русинко. Малыш прерывисто дышал, лицо было бледным, губы — синими.

— Разбуди Таурендила, — скомандовал Воибор служанке.

Девушка бросилась к двери, но Сентава схватила сына на руки и остановила её резким окриком:

— Нет! — она посмотрела на мужа, и её голос дрожал от страха и ярости. — Ведана была права. Эльф принёс горе. За твоё неуважение Морена наказала нас. Наш сын умирает, Воибор! Русинко судорожно пытался вдохнуть. По щекам Сентавы потекли слёзы.

— Ведану зови! Живо! — почти закричала она.

Служанка мигом скрылась за дверью.

Воибор, видя, как ребёнок задыхается, пошатнулся. Он вышел в сени и тяжело опустился на лавку. Мысли метались, сердце сжималось от боли. Ярл обхватил голову руками и просто-напросто:

— О, боги... за что?

Через несколько минут мимо прошла Ведана. Она остановилась на мгновение, смерила Воибора испепеляющим взглядом и что-то прошептала — но ярл от горя даже не шелохнулся.

Войдя в комнату, Ведана хрипло приказала:

— Положи ребёнка на стол.

Она зажгла пучок трав, и горьковатый дым быстро наполнил комнату. Бормоча молитвы, жрица закатила глаза так, что стали видны одни белки. Затем достала из-за пазухи ворона.

— О Морена, владычица тьмы и повелительница смерти! Прими эту жизнь и отверни смерть от младенца!

Она перерезала ворону горло и слила кровь в миску. Отрезала лапу, окунула её в кровь и начала окроплять ребёнка. Тени, казалось, сгущались вокруг Веданы.

— Пусть смерть ворона вернет жизнь младенцу...

Ведана опять окунула лапу птицы в кровь и провела её от макушки до живота Русинко, оставляя кровавые полосы на теле младенца. Малыш забился в конвульсиях и его лицо стало приобретать синюшный оттенок.

На шум ночной суеты из своей комнаты вышел Таурендил. Он увидел Воибора, сидевшего с низко опущенной головой, подошёл и присел перед ним, коснувшись плеча.

— Меня разбудил шум. Что случилось, мой друг? — с тревогой спросил эльф.

Воибор поднял голову. Таурендил увидел лицо, искажённое болью. Ярл трясущимися руками схватил его за плечи.

— Таурендил... мой сын умирает, — прохрипел он. — Умоляю, спаси его!

Дверь распахнулась, и из комнаты вышла Ведана. Глаза её горели гневом, а тени от свечей будто плясали вокруг. Ярл и эльф медленно поднялись. Увидев Таурендила, жрица с ненавистью прошептала:

— Я знаю, что ты принёс в наш город. Это проклятое дитя! Смерть идёт за ним по пятам!

Она перевела взгляд на Воибора и произнесла отчётливо, будто выносила приговор:

— Жизни ворона недостаточно, чтобы спасти твоего сына. Но если отдать жизнь ребёнка, которого принёс эльф, Морена подарит жизнь Русинко. Выбирай, Воибор: твой сын... или проклятое дитя эльфа.

Слова ударили ярла, как обухом. Воибор не ответил сразу. Он стоял, будто врос в пол, и только сильнее сжал пальцы — не от злости даже, а от бессилия. Из комнаты сына донёсся хрип, потом ещё один — и этот звук разорвал его изнутри сильнее любых угроз.

Перед глазами на миг вспыхнуло лицо Русинко: маленькие губы, посиневшие от удушья, дрожащая грудь. Следом лицо Сентавы, мокрое от слёз. И сразу же — другое: чужой младенец под плащом Таурендила, доверенный ему. «Пока я жив...» — эхом раздалось в голове собственные слова, сказанные совсем недавно. Он вдруг понял: что бы он ни выбрал, жить с этим придётся ему.

Воибор медленно перевёл взгляд на Таурендила. Эльф стоял прямо, бледный, с сжатыми кулаками, и в его глазах было не столько бешенство, сколько холодная решимость — та, что бывает у тех, кто уже потерял слишком много.

Ярл сглотнул. Горло пересохло, будто он проглотил пепел.

— Ты предлагаешь мне стать убийцей младенца, — выдавил он наконец, и голос прозвучал чужим, глухим. — В моём доме. Под моей крышей.

Ведана чуть приподняла подбородок.

— Я предлагаю тебе спасти своего сына, — отрезала она. — Богиня берёт плату. Таков закон.

Воибор резко выпрямился. Лицо стало словно каменным.

— Мой сын будет жить, — сказал он, и в этих словах звучала сталь. — Но не ценой детской крови.

Ведана прищурилась, словно не веря услышанному.

— Подумай, Воибор, — прошептала она. — Одна жизнь — ради другой. Иначе смерть возьмёт своё.

Таурендил сделал полшага вперёд, заслоняя собой проход.

— Только попробуй, — процедил он. — И узнаешь, что значит гнев тех, кто ещё помнит древнюю магию.

Ведана прошипела что-то сквозь зубы и плюнула под ноги эльфу. Затем с презрением взглянула на ярла, резко отвернулась и пошла к выходу. Дверь с громким стуком закрылась за ней. Таурендил поспешил к Русинко.

— Оставь дверь открытой, — сказал он Воибору, затушил тлеющие травы и нахмурился. — И пусть уберут эту гадость.

Слуги тут же вынесли остатки ворона и пучки трав. Сентава пыталась остановить эльфа, но Воибор приказал служанке увести жену. Сентава вспыхнула гневом, но противиться не решилась — служанка настойчиво увела её из комнаты.

Таурендил достал из кошель на поясе небольшой белый камень. Он светился, словно маленькая звезда. Эльф положил камень на грудь умирающего младенца и произнёс на эльфийском:

— Кхана лэнае Эстаинэль нолон лие нае.

Камень как будто заволокло серой дымкой.

— Кхана лэнае Эстаинэль нолон лие нае, — повторил эльф.

Свет в светильниках задрожал, камень стал пепельно-серым.

Таурендил произнёс заклинание в третий раз — и камень почернел. Эльф взял его и бросил в очаг. Огонь вспыхнул, чёрный дым поднялся вверх и исчез в трубе.

Русинко вдруг сделал глубокий вдох и заплакал. Его губы порозовели.

— Мой сынок... — Воибор с трепетом поднял ребёнка на руки и начал качать, пытаясь успокоить. — Таурендил, я никогда этого не забуду. И твою малышку в обиду не дам. Пока я жив — никто не посмеет ей навредить.

Эльф слегка улыбнулся. Его тело одолевала усталость, но чувство облегчения и радости наполняло сердце.

— Русинко всё ещё слаб, — сказал он. — Мне нужны травы, чтобы приготовить настой. Ты говорил, Друда — травница. Я зайду к ней и сделаю лекарство. Будешь поить им сына, и через несколько дней он окрепнет.

Уже светало. Таурендил вышел из комнаты и направился к дому Друды, оставляя Воибора и Сентаву рядом с ребёнком.

5. Потасовка

Солнце стояло над Белыми горами, согревая землю мягким летним теплом. Наступили первые дни лета. Птицы щебетали, над поляной струился сладкий запах трав, а издалека слышался торопливый стук дятла.

На замшелом камне под раскидистым деревом сидел мальчик лет десяти. Слегка вьющиеся рыжие волосы падали ему на плечи, а рубаха, перетянутая кожаным плетёным поясом, была немного велика. Он о чём-то задумался и лишь изредка отмахивался сломанной веткой от надоедливых насекомых.

Вдруг к его глазам прильнули тёплые маленькие ладони, и тонкий девичий голосок весело спросил:

— Угадай кто?

Русинко откинул голову, но уже улыбался уголками губ.

— Элейн, — ответил он и тут же нахмурился, стараясь показать недовольство. — Я тебя с утра жду, а уже полдень.

— Ну Русинко... — девочка взяла его за плечи и, весело шурясь, заглянула в серо-голубые глаза. — Мы с матушкой были на дальней поляне. Ты же знаешь, сколько трав нужно собрать.

Русинко посмотрел на её растрёпанные каштановые волосы, заботливо вынул застрявшую травинку и улыбнулся, встретившись с ней взглядом.

— А я тебе кое-что принесла, — лукаво сказала Элейн и подняла с травы маленькое берестяное лукошко с душистой ягодой.

— Представляешь, на дальней поляне уже вовсю зреет земляника. Она взяла несколько ягод и поднесла к его губам. Русинко, улыбаясь, съел их.

— У меня тоже для тебя подарок. Отец вчера вернулся из Межгорья, — сказал он, полез за пазуху и достал свёрток, завернутый в платок. — Вот, держи.

Элейн с любопытством развернула ткань и ахнула. На платке лежала искусно вырезанная деревянная заколка с витиеватым узором, раскрашенным яркими красками.

— Какая красота! — восхищённо выдохнула она.

— Я рад, что тебе понравилось, — сказал Русинко, скрывая смущение.

Он осторожно поправил её растрёпанные волосы и закрепил заколку. Элейн слегка покраснела и тронула подарок пальцами.

— Спасибо! — прошептала она и робко поцеловала его в щёку.

Русинко замер, явно не ожидая этого, а потом расплылся в счастливой улыбке.

— Не за что, — пробормотал он. — Скоро у меня Имянаречение, и я стану настоящим воином. Ты ведь придёшь, Элейн?

Он с надеждой взглянул на неё и тут же, смутившись, отвёл глаза.

— Конечно приду! Разве я могу такое пропустить? — рассмеялась она, схватила его за руки и тут же потянула за собой. — Нам пора домой. Давай наперегонки!

Элейн подхватила корзинку и побежала по тропинке к Айсвилю. Русинко вскочил с камня и, смеясь, ринулся следом:

— Всё равно догоню! — весело крикнул он ей вдогонку.

Она обернулась, увидела, как он несётся за ней, и звонко рассмеялась.

В город они вбежали, держась за руки и хохоча.

— Вы только посмотрите, Русинко с дочкой чокнутой Друды идёт! — раздался издевательский голос.

Элейн остановилась и сразу отпустила руку друга. Перед ними стоял рыжеволосый мальчишка, густо усыпанный веснушками. Он был на полголовы выше Русинко и слыл задирой. Рядом с ним крутились ещё несколько ребят, которые заискивали перед ним.

— Что ты сказал, Хильяр? — Русинко шагнул вперёд без всякого страха.

— Оставь, не надо, — тихо попросила Элейн, потянув его за руку. — Не обращай внимания на дурака.

Русинко уже собирался уйти, но Хильяра её слова только подзадорили. Он шагнул к девочке и зло оскалился, показывая кривые зубы.

— Я слышал, как Ведана говорила ярлу, что ты эльфийское отродье. Она ещё злилась, что снова пришёл «этот» эльф. Может, это твой папаша, а, Элейн?

Он с силой толкнул её, и та упала, стесав себе колено. Корзинка выскользнула из рук, и душистая земляника рассыпалась по мостовой. На глазах Элейн выступили слёзы — от боли и от унижения. Стоявшие рядом мальчишки засмеялись.

Русинко почувствовал, как его захлестнул гнев.

— Ты за это заплатишь, Хильяр!

Он со всей силы врезался в задиру. Тот не удержался на ногах, перевалился через плетённый забор загона и с размаху рухнул в кучу зловонного навоза.

Хильяр вскочил, пытаясь стряхнуть с себя навоз, и визгливо закричал:

— Ты ещё пожалеешь!

Русинко едва сдерживал смех. Гнев уже отступал, уступая место злорадному удовлетворению.

— Считаю это уроком, — сказал он, изо всех сил стараясь не рассмеяться. — В другой раз подумай, прежде чем обижать Элейн.

Хильяр вытер руки о штаны и сквозь зубы прошипел что-то о мести, но Русинко уже не слушал. Он подошёл к Элейн, всё ещё сидевшей на мостовой, и осторожно вытер слезу с её щеки.

— Ты как? Очень больно?

— Ничего... всё в порядке, — отозвалась она, слабо улыбнувшись.

Русинко обнял её за талию и помог подняться.

И тут Элейн заметила на площади ярла, разговаривавшего с высоким темноволосым мужчиной. Незнакомец был одет в тёмную облегающую одежду до колен; брюки были заправлены в высокие сапоги с изящным узором. Он казался молодым, хотя в длинных волосах уже серебрилась седина. И уши у него были заострённые — эльфийские.

Потасовка среди ребят привлекла его внимание. Он повернулся и посмотрел прямо на Элейн. Та встретилась с ним взглядом и сразу отвела глаза. Она попыталась сделать шаг, но боль пронзила колено.

— Обопрись на меня, — сказал Русинко. — Я отведу тебя домой.

Поддерживая подругу за талию, он увёл её прочь.

Солнце клонилось к закату. Вечер окутывал мир мягким золотистым светом. В воздухе пахло свежескошенной травой, небо медленно окрашивалось в розовые и оранжевые тона, а в траве уже стрекотали сверчки. За горизонтом собирались тёмные тучи.

Элейн, понурив голову, сидела на лавочке около своего дома. Ее разбитое колено сильно ныло. Она пыталась найти удобное положение, но каждое движение лишь усиливало боль.

— Я этому Хильяру все уши оторву! — раздался женский голос.

Через минуту из дома вышла Друда. С годами её фигура округлилась, а в каштановых волосах появились серебристые пряди. В руках она держала баночку с мазью.

— На, доченька, обработай рану, — мягко сказала она, открывая баночку.

До Элейн сразу донёсся приятный травяной запах.

— А я пойду к этому разбойнику домой. Поговорю с его родными.

— Матушка, не надо, не ходи! — Элейн умоляюще посмотрела на неё. — Хильяр всё равно не изменится.

Но Друда только отмахнулась. Она торопливо сняла фартук, бросила его на изгородь, подобрала длинный подол платья и, бормоча что-то себе под нос, зашагала прочь.

Элейн тяжело вздохнула, проводила её взглядом, потом взяла баночку и намазала колено. Рану защипало, и девочка, сморщив нос, принялась дуть на неё.

— Сильно болит? — раздался совсем рядом спокойный мужской голос.

Элейн вздрогнула и резко повернула голову. Перед ней стоял тот самый эльф. Она удивлённо и немного испуганно посмотрела на него — ведь она не слышала, как он подошёл.

— Меня зовут Таурендил, — сказал он с мягкой улыбкой. — Не бойся. Мы давно знакомы, Элейн, хотя ты этого и не помнишь.

Он взял баночку с мазью, опустил в неё палец, растёр мазь между пальцами, изучая ее текстуру, вдохнул запах и одобрительно кивнул.

— Хорошая мазь. Только сюда стоило бы добавить звёздную траву. Тогда она не будет так щипать.

Эльф вернул баночку, и Элейн от удивления даже забыла про боль.

— Господин, Вы разбираетесь в травах? — с восхищением спросила она.

Таурендил улыбнулся.

— Да. Я много лет собираю травы и готовлю лекарства. Если захочешь, я могу и тебя этому научить.

Он улыбнулся еще шире, ловя ее любопытный и восхищенный взгляд.

— Мазь хорошо залечит рану, — добавил он, наклонившись чуть ближе, — но есть способ и получше.

Он коснулся двумя пальцами её колена и произнёс на эльфийском:

— Эндарена тулинэ.

С кончиков его пальцев сорвалось едва заметное голубое свечение. Рану сильно защипало. Элейн вскрикнула — и тут же почувствовала, что боль исчезла. Она посмотрела на колено: ссадины не осталось.

— Господин... а этому Вы тоже меня научите? — спросила она, схватив его за руку и с надеждой заглянув в глаза.

— Это эльфийская магия. Для неё нужно знать язык моего народа, — мягко ответил Таурендил.

Он увидел, как лицо девочки вытянулось от разочарования.

— Я готова учиться, — тут же сказала Элейн.

Её глаза светились такой решимостью, что эльф невольно стал серьезнее.

Он пристально посмотрел на неё. Таурендил знал: с самого рождения девочка наделена магическим даром.

— Хорошо, — наконец произнёс он. — Давай завтра, после Имянаречения, встретимся у реки. Там нам никто не помешает. Если будешь прилежной ученицей, я научу тебя всему, что умею сам.

Эльф встал и собрался уходить, но Элейн остановила его и робко спросила:

— Господин, говорят, что Друда не моя матушка, — от волнения она с трудом подбирала слова, — Говорят, что Вы меня принесли. Скажите, Вы мой отец?

Таурендил резко остановился, пораженный её вопросом, и с грустью посмотрел на Элейн. Присев, он взял в свои руки её маленькие ладошки.

— Нет, дитя. Я не твой отец, — начал он. Голос его прозвучал мягко, но с печалью, — Мы с твоим отцом были близкими друзьями. Твои родители погибли, Элейн, когда ты была совсем еще малышкой, и я принес тебя сюда.

Элейн зашмыгала носом, пытаясь сдержать слезы.

— Но почему? Почему Вы не забрали меня с собой? — всхлипывая, спросила она. Таурендил отвёл взгляд, будто старался найти правильные слова.

— Это было опасное время, Элейн. Тогда пролилось много крови. Я хотел защитить тебя. Здесь, среди этих людей, ты была в большей безопасности, чем рядом со мной. Друда дала тебе дом, когда я сам не мог этого сделать.

Он ласково вытер слёзы с её щёк.

— Но знай: теперь я рядом. И если ты захочешь, я стану твоим учителем... и другом. Элейн, всё ещё всхлипывая, быстро закивала.

— Тогда договорились, — слабо улыбнулся Таурендил. — Встретимся завтра у реки. Он поднялся и бесшумно растворился в сгущающихся сумерках городских улочек.

6. День Имянаречения

Солнце уже стояло высоко, когда Элейн проснулась. Она потянулась, приоткрыла глаза и увидела, как сквозь занавески в комнату льётся мягкий утренний свет. В воздухе витал запах свежее испечённых булочек. Вспомнив вчерашний вечер, Элейн быстро посмотрела на своё колено. Раны не было.

«Значит, это был не сон», — подумала она и улыбнулась.

— Элейн, соня, пора вставать. Ты ведь не забыла, что сегодня Имянаречение? Если, конечно, ты хочешь пойти, — с улыбкой сказала Друда.

Она едва договорила, как девочка уже вскочила с постели.

Элейн надела своё самое нарядное платье, заплела волосы и прикрепила заколку, которую подарил Русинко. И уже через несколько минут со всех ног бежала на городскую площадь.

К празднику всё было готово. Жители в праздничных одеждах собирались группами, переговаривались, улыбались, смеялись. Элейн чувствовала себя взволнованной и радостной — этот праздник сегодня был для неё особенным. Она пробиралась сквозь толпу, стараясь оказаться поближе к Русинко.

Посреди площади горел костёр. Вокруг него стояли мальчишки — около десятка, все в белых рубахах. Среди них Элейн сразу увидела Русинко. Он явно волновался, но, заметив её в толпе, тут же улыбнулся и будто немного успокоился.

Через минуту к ним подошел ярл.

— Сегодня эти дети станут мужчинами и примкнут к рядам воинов великого народа норландов! — прогремел ярл, окидывая взглядом юные лица. — В каждом из них горит искра силы и доблести. Сегодня они отрекутся от детских имён и получают имена воинов!

Затем Воибор повернулся к мальчишкам и обратился к ним:

— Готовы ли вы оставить свои имена и стать на путь истинных воинов?

— Да! — дружно ответили мальчишки.

— Да будет так. Сегодня перед всем народом поклянитесь: защищать Айсвиль, даже ценою своей жизни! — продолжил Ярл.

В ответ над площадью прокатились уверенные крики согласия.

Воибор подошёл к Русинко. Было видно, что ярл волнуется, но в его глазах сияла гордость. Он вынул нож, собрал волосы сына на затылке и одним движением обрезал их. Обрезанные волосы ярл бросил в огонь, и те с шипением загорелись.

— Нарекаю тебя именем Белотур. Носи его с честью и не посрами, — торжественно произнёс Воибор.

То же самое произошло и с остальными мальчишками.

Потом ярл взял кубок с хмельным мёдом и подал его сыну. Белотур сделал большой глоток и передал чашу следующему. Кубок пошёл по кругу. Каждый юный воин пил из него, и на их лицах светились радость и гордость: детство осталось позади.

Когда обряд завершился, Воибор вручил сыну меч.

— Сын мой, теперь ты воин. Этот меч станет частью тебя. Береги его, и он пройдет с тобой через всю твою жизнь. Помни, — наставлял Воибор, — что меч — не просто оружие. Это символ чести и ответственности. Каждый раз, когда ты будешь брать его в руки, вспоминай о том, что важна не только сила, но и мудрость. Ты должен защищать слабых, свою землю и своих близких.

Белотур с восхищением взял меч. Он осмотрел украшенные ножны, осторожно вынул клинок и ощутил его тяжесть. Воибор помог закрепить ножны у него на поясе и похлопал сына по плечу.

И тут ярл заметил в толпе Элейн, которая смотрела на Белотура с таким восторгом, будто перед ней и впрямь стоял уже взрослый воин.

— Тебя, кажется, ждут, — кивком головы указал он на Элейн.

Белотур вложил меч в ножны и направился к подруге, стараясь идти важно и степенно.

— Ой, Русинко, какой ты теперь важный! — восхищённо воскликнула Элейн. Потом её взгляд упал на меч. — Какая красота! Можно его подержать?

Мальчик тут же вскинул подбородок.

— Русинко — детское имя. Теперь я Белотур, — заявил он с напускной важностью. — И вообще, девчонкам мечи не положены. Ваше дело — еду стряпать да травы собирать.

Элейн разочарованно посмотрела на него, надула губы и отвернулась.

— Подумаешь. Смотри только, не лопни от собственной важности.

Она уже собралась уйти, но Белотур поспешно схватил её за руку.

— Элейн, не сердись. Я ведь пошутил.

Он виновато улыбнулся, вынул меч из ножен и протянул ей.

— На, подержи. Только осторожно, не поранься.

Элейн улыбнулась и бережно взяла меч обеими руками. Рукоять была покрыта узором норландов, а в навершии сверкал красный камень, будто тлеющий в солнечном свете. Девочка провела пальцами по резьбе и удивлённо выдохнула:

— Какой тяжелый...

Над площадью снова раздался громкий голос. Высокий широкоплечий воин звал новонаречённых к себе.

— Элейн, мне пора, — сказал Белотур, забирая меч. — Теперь мы будем реже видеться. Мне каждый день придётся тренироваться. А через месяц испытание...

Он улыбнулся ей и побежал к остальным мальчикам.

Воибор смотрел ему вслед — с гордостью и тревогой.

За спиной послышались лёгкие шаги, и мягкий спокойный голос произнёс:

— Нае сиан, друг мой.

Воибор чуть повернул голову.

— Таурендил... Через месяц начнётся испытание. Мой сын должен будет сам убить зверя. И я не смогу ему помочь.

В голосе ярла звучала тревога, которую он не привык показывать людям.

Таурендил положил руку ему на плечо.

— Если хочешь, я задержусь и присмотрю за ним, — тихо сказал эльф.

Воибор с благодарностью посмотрел на друга и кивнул.

— Только постарайся не попадаться никому на глаза.

На губах Таурендила мелькнула лёгкая улыбка.

— Ты же знаешь, я умею быть незаметным.

Он бросил короткий взгляд туда, где в толпе мелькнула фигура Элейн.

— А теперь прости, друг мой. У меня есть дела.

С этими словами Таурендил зашагал к городским воротам.

7. Первый урок

Растрёпанная и немного запыхавшаяся Элейн вбежала в дом. Она ещё на ходу начала стягивать с себя праздничное платье.

— Матушка, я за травами пойду! Вернусь засветло! — крикнула она, торопливо переодеваясь.

Бросив быстрый взгляд в зеркало, Элейн пригладила каштановые, слегка выющиеся волосы.

— Куда ты так спешишь? Ты с утра ничего не ела, — недовольно сказала Друда, вытирая руки о передник. — Так, никуда ты не пойдёшь, пока не поешь.

Элейн подскочила к столу, схватила ещё горячий пирожок и, чмокнув мать в щёку, выбежала на улицу.

— Вот егоза! — улыбаясь, всплеснула руками Друда.

Высочив за ворота, Элейн свернула на тропу, ведущую к реке, и побежала так быстро, как только могла. Она чувствовала, как ветер треплет её волосы, а сердце колотится от волнения. Элейн очень боялась опоздать на свое первое занятие.

Таурендил сидел на камне у быстро бегущей реки. Он любил такие минуты — наедине с водой, солнцем и шелестом листвы. Журчание реки и тёплый свет приносили ему покой. Эльф поднял лицо к солнцу и прикрыл глаза. В такие мгновения ему казалось, что все проблемы этого мира исчезли.

Заслышав топот детских ног, он открыл глаза и невольно улыбнулся.

— А я уж решил, что ты передумала, — сказал он, когда Элейн подбежала ближе.

— Господин, разве я могла не прийти? — выдохнула девочка, стараясь перевести дух.

Таурендил посмотрел на её растрёпанные волосы, на пылающие от бега щёки — и в его глазах появились веселые искры.

— Зови меня по имени. Или учителем, если тебе так проще. А сейчас сядь и отдохни.

Он указал на соседний камень. Через несколько минут, когда дыхание Элейн выровнялось, эльф взял длинную тонкую палочку и начертил что-то на влажном песке. Извилистая линия, а над ней — три точки.

— Это буква «ан», — сказал он.

Элейн разочарованно уставилась на знак и сморщила нос.

— Таурен... учитель, — осторожно поправилась она, — разве ты не будешь учить меня магии? И созданию разных лекарств тоже?

Таурендил на мгновение замер.

«Как же она похожа на своего отца», — с тихой грустью подумал он. Тот тоже морщил нос именно так, когда ему что-то не нравилось.

— Я не смогу тебя ничему научить, если ты не выучишь язык моего народа — спокойно ответил эльф. — Магия, книги, названия трав — всё на эльфийском языке. Если хочешь, можем закончить урок прямо сейчас, но тогда ты будешь знать ровно столько, сколько знает твоя мать.

Элейн тут же вскочила.

— Нет! Нет, учитель! — воскликнула она и схватила его за рукав. — Я буду учиться. Честно буду! Так... этот червяк называется «ан», да?

Она посмотрела на Таурендила таким серьёзным, умоляющим взглядом, что он едва сдержал смех.

Так эльфийскую букву ещё никто не называл.

Дни за учёбой пролетели быстро. Элейн оказалась способной ученицей. Уже через неделю она читала по слогам. Таурендилу нравилось, как жадно она впитывает всё новое, как старается уловить мелодику эльфийской речи, как повторяет слова.

Элейн и правда любила эти занятия. Она с интересом слушала, как Таурендил говорит на эльфийском. Ей очень нравилась мелодичность языка, его звуки казались ей волшебными и загадочными. Иногда по утрам она сидела у дома и выводила на земле эльфийские слова, вспоминая вчерашний урок. Именно за этим занятием её однажды и застал Белотур.

— Привет. Мы с тобой давно не виделись, Элейн, — сказал он, с любопытством рассматривая знаки в пыли. — Это что ещё за письмена?

Элейн подняла голову, увидела его — и тут же вскочила.

— Белотур! — радостно воскликнула она и крепко обняла друга. — Как же я по тебе соскучилась!

Схватив его за руку, она потянула его к старой деревянной лавке у дома. Едва они сели, как Элейн с жаром начала рассказывать:

— Это эльфийские слова. Меня Таурендил учит. Вот это — трилистник, а это — звёздная трава.

Она говорила так увлечённо, будто делилась самой большой тайной на свете.

Белотур нахмурился.

— Эльфийский язык? — переспросил он. — Элейн, зачем тебе это? Ведана и так тебя недолюбливает. А если узнает, что ты учишь язык эльфов, то может и людей против тебя настроить.

Элейн замолчала на миг, но потом горячо заговорила:

— Белотур, Таурендил обещал научить меня готовить эльфийские лекарства. А для этого нужно уметь читать книгу. Разве это плохо? Я ведь смогу лечить наших людей лучше, чем сейчас.

Она сжала его руку, глядя прямо в глаза — с тревогой, с надеждой, почти с мольбой.

Белотур задумался.

— Ну... если так, — медленно сказал он. — Тогда только никому не рассказывай про ваши уроки. Ладно?

Элейн сразу закивала.

— Ладно. Обещаю.

— А ты чем всё это время занимался? — спросила она уже мягче, готовая слушать.

Белотур заметно оживился.

— Я каждый день тренировался с мечом! — выпалил он. — К вечеру домой еле приползал, всё тело болело. Но это того стоило. Я стал сильнее.

Он принялся показывать удары и повороты, размахивая руками так увлечённо, что Элейн не могла отвести глаз.

— А ещё угадай что? — Он наклонился к ней ближе, едва сдерживая восторг. — Я научился стрелять из лука. И лучше всех!

Элейн восхищённо распахнула глаза.

— Мне отец подарил лук, — добавил Белотур почти шёпотом. — Говорят, его сделали эльфы. Представляешь?

Элейн кивнула, улыбаясь. Но вдруг Белотур замолчал. Радость на его лице померкла.

— Завтра испытание, — тихо сказал он. — И мне... как-то не по себе.

У Элейн похолодело внутри. Она знала: испытание — не игра. Оно покажет, достоин ли Белотур зваться воином или нет. Завтра решится его судьба.

— Я завтра тебя провожу, — быстро сказала она и крепко сжала его руку, словно хотела передать ему всю свою уверенность.

Белотур покачал головой.

— Не надо. Лучше встретить меня, когда я вернусь.

Он сказал это тихо, но твёрдо.

8. Испытание

Наступило раннее утро. Солнце медленно поднималось из-за гор, окутывая всё вокруг мягким золотистым светом. Тьма отступала, и мир понемногу наполнялся тёплыми красками. На воротах Айсвиля дремали стражники, привалившись к холодному камню. Город ещё спал, и тишину нарушали лишь редкие крики ночных птиц.

Вдруг на площади послышались тяжёлые шаги. Через минуту из полумрака вышли несколько широкоплечих мужчин, ведя с десятков мальчишек. У каждого на поясе висел меч, а за спиной — лук и колчан со стрелами, казавшиеся слишком большими для их ещё детских плеч.

— Открыть ворота! — прогремел низкий мужской голос.

Стражники встрепенулись, посмотрели вниз и, узнав ярла, поспешно начали крутить большое колесо. Ворота со скрипом отворились.

— Сегодня у вас испытание, — сказал Воибор. — Каждый должен в одиночку убить зверя и принести знак своей победы: голову, хвост или лапу. Будьте осторожны и не переоценивайте силы. И главное — вернитесь до темноты.

Мальчики молча вышли за ворота и на мгновение замерли. Кто-то переглянулся с товарищем, кто-то крепче сжал ремень колчана. Каждый понимал: это уже не игра.

Один за другим они вошли в тёмный лес и стали расходиться в разные стороны.

Мужчины ещё долго смотрели им вслед. Никто не заметил, как из тени появилась высокая худощавая фигура в чёрном плаще. Она бесшумно скользнула за ворота и скрылась среди деревьев.

Белотур шёл всё глубже в лес. Ночь ещё не ушла окончательно, и под деревьями по-прежнему держался сумрак. Изогнутые стволы выступали из темноты, как сгорбленные чудовища, а в ложбинах клубился туман. От болота тянуло гнилью. Где-то вскрикнула птица, тяжело захлопали крылья — и Белотур невольно вздрогнул.

Он остановился, прислушался. Сердце билось так громко, что казалось — его слышно на весь лес.

Вдалеке что-то треснуло.

Белотур снял со спины лук и вложил стрелу. Осторожно продвигаясь вперёд, он вышел на поляну. Здесь было светлее. Трава оказалась вытоптана, земля местами изрыта. Он присел и коснулся следа — глубокого, свежего, с чётким отпечатком копыта.

«Кабаны», — понял он.

И почти сразу услышал хрюканье.

На противоположной стороне поляны паслось стадо. Полосатые поросята с визгом носились вокруг свињи, тыкались в землю пятачками и смешно толкались друг с другом. Белотур даже невольно улыбнулся.

Но в следующий миг из кустов с треском вышел огромный кабан-секач.

Щетина на его хребте стояла дыбом. Он рыл землю тяжёлыми копытами, шумно втягивал воздух и грозно водил рылом. Белотур замер. Кабан вдруг вскинул голову и уставился прямо в его сторону.

Мальчик медленно опустил лук и очень осторожно отступил назад. Только скрывшись за деревьями, он позволил себе тяжело выдохнуть. Сердце колотилось как безумное.

С кабаном в одиночку ему было не справиться.

Он ушёл прочь от той поляны.

Часы тянулись один за другим. Лес уже совсем проснулся: сквозь листву лился солнечный свет, пахло смолой, сырой землёй и молодой травой. Птицы звонко щебетали, перелетая с ветки на ветку. Но Белотуру не было радостно от их весёлой трели.

Он устал. Ноги налились тяжестью, горло пересохло, а в голове всё чаще мелькала тревожная мысль: что, если он так и вернётся ни с чем?

Устало он сел на поваленное бревно, покрытое мхом и мелкими грибами. Ветер шевелил ветви, лес шумел негромко и мирно, но внутри Белотура не унималось странное чувство: за ним кто-то следит.

Он вытер пот со лба и вдруг услышал рядом негромкое рычание.

Белотур резко повернул голову.

Из-за деревьев на него смотрел волк. Зверь был старым и истощённым. Шерсть свисала ключьями, рёбра проступали под кожей, а в глазах горели не только голод и злоба, но и смертельная усталость.

Белотур замер. Он быстро огляделся по сторонам.

Волки редко охотятся в одиночку. Но этот был один.

Мальчик глубоко вдохнул, заставляя себя не дрожать. Поднялся, натянул тетиву и выстрелил. Стрела просвистела и вонзилась волку в бок.

Зверь взвизгнул от боли и завалился на бок, но тут же вскочил и кинулся на Белотура.

Тот в панике снова натянул тетиву и выстрелил, но промахнулся. Волк нёсся на него, истекая кровью. Белотур схватил новую стрелу, но пальцы дрожали так сильно, что она выскользнула из рук. Он метнулся в сторону, пытаясь уйти от прыжка, споткнулся о старое бревно и с силой рухнул на землю. Боль пронзила ногу.

Волк уже взметнулся в смертельном прыжке.

Скрываясь среди деревьев, Таурендил наблюдал за этой схваткой. Его эльфийский плащ сливался с деревьями, делая его незаметным для людских глаз. Эльф видел всё. В последний миг он едва заметно повёл рукой.

Полет волка прервался на мгновение, будто он натолкнулся на невидимую преграду. Зверь тяжело рухнул к ногам Белотура и захрипел.

Этого мига хватило.

Белотур вскочил, выхватил меч и, тяжело дыша, подошёл к зверю. Волк лежал на боку, кровь медленно растекалась по траве. Мальчик остановился. На мгновение ему стало жаль его — старого, одинокого, умирающего.

Но испытание нужно было завершить. Собравшись с духом, Белотур занёс меч и вонзил его в грудь зверя. Волк дёрнулся, тихо взвизгнул и затих. Белотур долго смотрел на него. Теперь волк уже не казался страшным — только старым и жалким, изгнанным, видно, из стаи. Мальчик опустил на одно колено и, как его учили с детства, вознёс молитву хранителю леса:

— О великий Девар, хранитель леса, благодарю тебя за удачную охоту! Прими дух этого зверя и даруй ему покой в своих вечных лесах.

Глубоко вздохнув, он поднялся и отрубил голову волку. Когда трофей оказался у него в руках, Белотур почувствовал, как с его плеч, будто спал груз. Все тревоги и страхи этого дня ушли, уступая место усталости — тяжёлой, липкой, почти валившей с ног.

Хромая, он пошёл домой.

Элейн сидела у ворот, прислонившись к каменному выступу, и ждала Белотура. Площадь была шумной: несколько мальчиков уже вернулись с испытания, и их встречали радостными криками. Кто-то хвастался трофеями, кто-то пересказывал схватку, размахивая руками, дети визжали, взрослые смеялись.

Воибор старался держаться спокойно, но скрещённые на груди руки и напряжённый взгляд выдавали его. С каждой минутой тревога росла. Уже перевалило за полдень, а Белотура всё не было.

Тень от ворот медленно ползла по площади. Солнце поднималось всё выше. Вдруг раздался шум — в воротах появился знакомый силуэт. Это был Белотур. Он шёл хромая. Волосы

слиплись от пота, одежда была перепачкана грязью и кровью. В руках он нёс отрубленную голову волка.

— Белотур! — вскрикнула Элейн и бросилась к нему.

Она обняла его, но тут же отпрянула, увидев кровь на одежде.

— Ты весь в крови!

— Все хорошо, Элейн, — хрипло ответил Белотур, пытаясь её успокоить. — Это не моя кровь.

Широким шагом подошёл Воибор. Он обнял сына так крепко, будто только сейчас по-настоящему поверил, что тот цел и невредим.

— Сын мой... Я так тобой горжусь! — сказал ярл.

Потом отступил на шаг, взял у Белотура голову волка и поднял её высоко над головой.

— Белотур убил зверя и доказал, что он настоящий воин! — прогремел Воибор.

Площадь ответила радостными криками.

Ярл снова повернулся к сыну и положил тяжёлую ладонь ему на плечо.

— Иди отдыхай, — с нежностью сказал он, глядя на своего сына.

Белотур устало кивнул и, прихрамывая, пошёл к друзьям.

За спиной Воибора послышался знакомый мягкий голос:

— Нае сиан, мой друг.

Ярл обернулся и увидел Таурендила. Как всегда, никто не заметил, откуда он появился.

— Таурендил... как всё прошло? — тихо спросил Воибор.

— Твой сын храбр, — ответил эльф. — Из него выйдет хороший воин. Я лишь слегка ему помог.

Воибор с благодарностью склонил голову и хлопнул друга по плечу.

Потом снова посмотрел на сына — окружённого друзьями, усталого, перепачканного, счастливого.

Сердце ярла переполняли гордость и любовь.

9. Хижина в лесу

Незаметно наступила осень. Затем пришла холодная снежная зима. А потом, вместе с тёплыми лучами солнца, в свои права вступила весна.

Воздух потеплел. Снег уже сошёл, и лишь в самых тёмных уголках леса ещё лежал грязно-серыми кучами. На мокрой от талой воды земле буйно пробивалась молодая трава. Распустились первые цветы, и над ними, сонно жужжа, кружили пчёлы, только что очнувшиеся от зимней спячки. Лес наполнился щебетом птиц — они перелетали с ветки на ветку, торопясь свить гнёзда.

Элейн, улыбаясь, наблюдала за их суетой. Холодный ветерок, словно последнее дыхание зимы, растрепал её каштановые, слегка выующиеся волосы. Девочка поёжилась и плотнее запахнула тёплый меховой жилет. У её ног стояла корзина, наполовину наполненная жёлтыми цветами.

— Вот как ты собираешь травы? — послышался тихий спокойный голос.

Элейн вздрогнула и резко обернулась. Облокотившись о дерево, стоял улыбающийся темноволосый эльф.

— Таурендил! Нае сиан, учитель! — радостно вскрикнула она, подбежала к нему и крепко обняла. — Я так рада, что ты пришёл!

Таурендил с нежностью обнял её в ответ.

— О, как ты выросла, Элейн. Ещё немного — и станешь выше меня.

— Это вряд ли, учитель, — рассмеялась девочка.

Но в следующую секунду в её глазах мелькнула грусть.

— Я так по тебе соскучилась... Она прижалась к нему крепче.

— Я тоже, дитя. Я тоже, — тихо сказал эльф и по-отцовски погладил её по голове.

Элейн чуть отстранилась.

— Учитель, а зачем ты пришёл?

Таурендил видел, как ей не терпится услышать про уроки, и решил немного её подразнить. Он сделал серьёзное лицо и высвободился из её объятий.

— Мне нужно пополнить запас лечебных трав. Вот сейчас как раз появилась звёздная трава.

Он наклонился и сорвал неприметный стебелёк с крошечными листочками. Элейн с разочарованием уставилась на травинку.

— По-моему, это просто сорняк, а не какая-то звёздная трава, — обиженно сказала она.

— Самая настоящая, — возразил Таурендил и хитро подмигнул. — Позже сама увидишь.

Элейн скрестила руки на груди.

— Ну нет, учитель. Ты ведь обещал!

Еле сдерживая улыбку, Таурендил вопросительно поднял брови.

— О чём это ты, дитя?

— Ты... Ты обещал меня всему научить. Обещал ведь? — голос её дрогнул, и она шмыгнула носом.

— А... вот ты о чём.

Эльф подошёл ближе и мягко обнял её за плечи.

— Я не забыл. Именно ради этого и пришёл.

Элейн тотчас просияла, но снова поёжилась от ветра.

— У реки ещё холодно. Может, ты будешь учить меня у нас дома? Я поговорю с матушкой. Думаю, она согласится.

Таурендил покачал головой.

— У меня есть предложение получше. Он поднял корзину с цветами и взял девочку за руку. — Здесь неподалёку есть охотничий домик. Там я и буду тебя учить. В Айсвиле мне лучше не ходить. Жрица и так тебя недолюбливает. Если узнает, что я занимаюсь с тобой, начнёт вредить. Поэтому старайся никому не говорить о наших уроках. Хорошо?

Элейн серьёзно кивнула.

Они миновали поляну и свернули на едва заметную тропу, поросшую мхом и мелкими цветами.

— Учитель, я слышала от людей ярла, что эльфы живут далеко на юге, в Зеленолесье, — сказала Элейн, стараясь не отставать. — Как же ты добирался? Коня я не видела, а пешком идти очень долго.

Таурендил тихо рассмеялся.

— Дитя, я не живу в Зеленолесье. Мой дом находится по ту сторону Белой Пустоши, в землях Аналейна.

Элейн остановилась как вкопанная.

— Ты шутишь? Все знают, что Белую Пустошь нельзя пройти. Там вечный холод!

На этот раз эльф рассмеялся в голос.

— Глупышка. Для этого существуют порталы. Они могут мигом перенести тебя куда угодно.

Элейн тут же вцепилась в его руку обеими руками.

— Учитель... Учитель, ты ведь и меня этому научишь, правда?

Таурендил ничего не ответил, лишь ускорил шаг. Через минуту он остановился.

— Ну вот мы и пришли.

Элейн подняла глаза — и замерла. Вместо охотничьего дома перед ней были покрытые мхом развалины полусгнившей хижины. Крыша давно обвалилась, из неё торчал колючий терновник. От стен остались лишь трухлявые брёвна. Вокруг раскинулось топкое болото, покрытое зелёной ряской; на его поверхности лопались пузырьки.

Элейн с недоверием посмотрела на учителя.

— Это и есть тот дом? Ты, наверное, смеёшься надо мной. Ты не сможешь меня учить в этой развалине.

— Идем, не бойся.

Таурендил потянул её за руку и смело шагнул к болоту. Элейн упиралась, но, сделав пару шагов, вдруг ахнула и выпустила его руку.

Перед ними стоял крепкий дом с маленькими оконцами. Под окнами была дубовая лавка, рядом — небольшая цветущая поляна. Элейн изумленно посмотрела на Таурендила и оглянулась назад. В воздухе, как на воде, пробежала легкая рябь.

— Это защитные чары, — спокойно сказал эльф, наблюдая за изумлённой Элейн. — Я их наложил, когда Воибор еще не родился. Жизнь людей слишком коротка, а память их еще короче. Они забыли про этот дом. Никто не сможет пройти сквозь защитные чары. Но я провёл тебя, и теперь ты сможешь сама сюда приходить. Здесь никто нам не помешает.

Он открыл тяжелую дубовую дверь и подтолкнул Элейн вперед.

В комнате стоял полумрак. Сквозь маленькие мутные оконца проникал слабый свет, освещая хаотично кружащие пылинки. У стены чернел потухший очаг, в котором уже были аккуратно сложены дрова. В доме было сыро и прохладно.

Таурендил подошёл к очагу.

— Ананэя.

Он сделал лёгкий знак рукой, и в очаге вспыхнул огонь.

Комната сразу ожила. Элейн огляделась. Дом был маленький, всего с одной комнатой. У стены стояла лавка с аккуратно сложенным одеялом и постельным бельём. Напротив — старый деревянный стол, заваленный книгами. Над ним висела грубо сколоченная полка, на

которой стояли ступка, стеклянные колбочки и песочные часы разных размеров. Под столом громоздились котелки. Под потолком сушились травы, наполняя дом терпким запахом, а в углах свисала паутина.

— Извини, я не успел тут прибраться, — тихо сказал эльф.

Он поставил корзину на стол, взял баночку, зачерпнул из ведра воды и опустил в неё сорванную траву.

— А теперь смотри.

Таурендил поставил банку в тёмный угол. Элейн замерла, не сводя с неё глаз.

Через минуту на траве начали раскрываться маленькие белые цветочки. В полумраке они мягко мерцали, будто крохотные звёзды.

Элейн восхищённо выдохнула.

— Звёздная трава вырастает только ранней весной, — начал Таурендил. — Её цветы раскрываются ночью, поэтому она и носит такое имя. В эльфийских легендах говорится, что в древние времена бог Аэрдир создал первого эльфа. Он вдохнул в него жизнь, вложил каплю своей крови и нарёк Айноном. Первородный обладал великой магической силой. Он был мудрым правителем и могучим воином, и никто не мог с ним сравниться. Когда Айнон умер, небеса содрогнулись от горя, и несколько звёзд упали на землю. Так появилась звёздная трава. Она снимает боль, замедляет действие ядов и вызывает сон. Её добавляют в мази, противоядия и сонные эликсиры.

Элейн слушала, затаив дыхание.

— Учитель, если Айнон был великим магом, значит все эльфы могут творить магию?

Таурендил улыбнулся и положил руку на плечо Элейн.

— Дитя, не все эльфы обладают магической силой. Магов очень мало среди них. А с такой силой, как у первородного, родился лишь один эльф, но это было много тысяч лет назад.

Элейн широко раскрыла глаза.

— Пора начать обучение, — сказал Таурендил. — Я принес тебе книгу. В ней собрано множество рецептов. Изучив их, ты станешь хорошим целителем.

Элейн с любопытством взглянула на книги, что лежали на столе, но эльф покачал головой.

— Нет, это книги о травах, и как их собирать.

Элейн вопросительно посмотрела на своего учителя. Он вытянул руку ладонью вверх и произнёс:

— Кхенедие.

В его руке появилась толстая книга в темном кожаном переплете. Рука эльфа слегка опустилась под её тяжестью.

Он протянул книгу Элейн. Та взяла её обеими руками и едва не выронила. На обложке был вытеснен тонкий узор, переплетавшийся вокруг эльфийской надписи.

— Нэста галас... Это значит... «Лечебные зелья»? — неуверенно спросила она.

— Правильно, дитя, — одобрительно кивнул Таурендил. — Молодец. Ты не забыла мои уроки.

Элейн замялась.

— Учитель... а когда ты будешь учить меня магии?

Эльф усмехнулся. Его забавляло это стремление постичь магию.

— Дитя, как только ты выучишь эту книгу, тогда приступим к магическим урокам.

Элейн в ужасе посмотрела то на книгу, то на него

— Всю? Но она же такая толстая!

Таурендил тихо засмеялся.

— Ты ещё слишком мала для магии. Она забирает много сил.

— Ну учитель... — заныла Элейн, теребя его за рукав. — Ну давай хоть немножко попробуем.

Таурендил задумался.

Он вспомнил тот день, когда погибли её родители. Тогда Элейн была совсем крошкой. Она разрыдалась, и от ее плача земля содрогнулась под ногами. По стенам поползли трещины, а потолок готов был обрушиться. Ему едва удалось вовремя наложить на девочку сонные чары.

«Она явно одарена, — подумал эльф. — И сила проснулась слишком рано... Неужели в ней и вправду течёт первородная кровь?»

Он посмотрел на её серьёзное, упрямое лицо.

— Хорошо, давай попробуем.

Таурендил забрал у неё книгу и положил на стол.

— Сосредоточься. Скажи «тиелим» и укажи на книгу.

— Тиелим, — сказала Элейн.

Ничего не произошло.

— Попробуй еще раз, — спокойно сказал Таурендил.

Она облизнула пересохшие губы.

— Тиелим! — почти выкрикнула Элейн, вытянув руку.

Книга слегка сдвинулась.

— Нет. Так не пойдёт, — мягко сказал Таурендил. — Не напрягайся. Закрой глаза. Почувствуй магию внутри себя. Она течёт, как спокойная река.

Элейн послушно закрыла глаза.

Сначала ничего не было. Потом — будто тёплый поток шевельнулся где-то глубоко внутри. Он разлился по телу, заполнил руки, грудь, дыхание.

Девочка медленно открыла глаза, подняла руку к книге и тихо сказала:

— Тиелим. Книга исчезла с лёгким шорохом.

Элейн ахнула и посмотрела на учителя. Тот улыбнулся.

— А теперь представь её, поверни руки ладонями вверх и скажи «кхенедие», — тихо произнес Таурендил.

— Кхенедие, — сказала Элейн и чуть не уронила тяжелую книгу, которая появилась в её руках.

— Молодец, ты всё правильно сделала, — произнес эльф и тут же подхватил побледневшую Элейн, которая теряла сознание. Он осторожно уложил её на лавку. Смочил лицо холодной водой.

Элейн открыла глаза и непонимающе посмотрела на него.

— Я ведь предупреждал, что магия забирает силы, — тихо сказал эльф.

Он положил ладонь ей на голову.

— Энгари.

Элейн вопросительно посмотрела на него.

— Ты открыла в себе магию, но ещё не умеешь ею управлять. Поэтому я наложил печать — она будет сдерживать силу. Но пообещай мне, Элейн: никогда не используй магию при людях. Пойми, они суеверны и боятся того, что не понимают. Я много раз видел, как люди сжигали на кострах магов — даже тех, кто всегда помогал им.

Элейн села и серьёзно кивнула.

— Хорошо, учитель. Обещаю.

Таурендил взял со стола резную коробочку и достал кусочек сушёного фрукта.

— Вот, съешь. Тебе станет легче.

Элейн осторожно откусила. Фрукт оказался сладким, ароматным и необычным. Она быстро доела его и почти сразу почувствовала, как к ней возвращаются силы.

— Это сушеный драконий фрукт. Он быстро возвращает силы, — пояснил эльф.

Подождав немного, пока ученица окончательно придет в себя, Таурендил жестом пригласил её к столу.

— А теперь я научу тебя работать с книгой. Сегодня приготовим зелье от простуды.

Он заметил, что Элейн уже собирается возразить, и опередил её:

— Да, я знаю, что твоя матушка тоже варит такое зелье. Но это будет лучше.

Таурендил поставил на стол горелку и котёл, раскрыл книгу на нужной странице.

— Запомни, Элейн: в приготовлении лекарств важно всё. Пропорции, порядок добавления ингредиентов и время варки. Ошибёшься — зелье станет слабым или может превратиться в яд. Читай рецепт.

Элейн склонилась над страницей.

— «Влить в котёл две чашки чистой воды»...

Таурендил подал ей чашку. Она налила воду, и эльф зажёл горелку. Внизу вспыхнуло красноватое пламя.

— «Измельчить одну меру корня алтея»...

Он подал ей ступку. Элейн отмерила траву и начала тщательно её растирать. Когда вода закипела, высыпала корень в котёл.

— «Варить два поворота средних часов», — подсказал Таурендил, доставая песочные часы.

Песок тонкой струйкой пересыпался вниз. Элейн поочерёдно добавляла ингредиенты, следила за временем, размешивала отвар. Когда жидкости осталось совсем немного, Таурендил влил в котёл вино.

Комнату наполнил тёплый ягодный аромат.

Через минуту жидкость начала закипать. На её поверхности появлялись небольшие темные пузырьки, которые лопались с тихим потрескиванием. Таурендил снял котёл с огня, попробовал зелье и одобрительно кивнул.

— Молодец! Очень хорошее лекарство получилось!

Он погладил её по голове.

— Продолжай в том же духе, и многого добьёшься.

Элейн так и засветилась от счастья.

Когда зелье остыло, эльф перелил его в прозрачную бутылочку. Потом снял с пояса небольшой кожаный кошель и повязал его Элейн на талию.

— В этот кошель ты сможешь положить книгу лечебных зелий. Магические слова ты уже знаешь.

Элейн посмотрела на кошель с недоверием.

— Ты ведь не думаешь, что книга просто исчезает? Это магически созданный кошель. Его нельзя потерять или уничтожить. Он может вместить любые нужные предметы.

— Любые, любые? — удивленно спросила Элейн и начала фантазировать. — А вот если я захочу коня туда спрятать?

Таурендил рассмеялся.

— Дитя, ты можешь туда спрятать лишь то, что сможешь удержать в руках, — сквозь смех сказал эльф. — Ну, а пока книга останется здесь. Заберёшь ее позже.

10. День печали

Так прошло четыре года. Каждый год, с наступлением весны, Таурендил снова появлялся в лесной хижине, где проходило их обучение. Каждое лето он проводил с Элейн, погружая её в мир магии и целебных зелий.

Элейн оказалась способной ученицей. С каждым годом её знания и умения росли, и к пятнадцати годам она уже считалась лучшим целителем во всей округе. За её мазями и настойками приезжали даже из ближайшего города Тамерхолла. Люди знали: если кто и сумеет помочь, то это Элейн.

Однажды глубокой ночью, когда весь Айсвиль давно спал, раздался отчаянный стук в дверь дома Друды.

— Друда! Элейн! Откройте!

Элейн, ещё полусонная, накинула на плечи шаль и выбежала из комнаты. Друда уже отпирала дверь, недовольно бормоча:

— Ну кого это принесло в такую темень?

На пороге стояла Анга — немолодая белокурая женщина с перепуганным лицом. Волосы у неё растрепались, морщины на лбу залегли глубже обычного, а в глазах отражалась паника.

— Анга, что стряслось? На тебе лица нет, — тревожно спросила Друда.

Увидев за её спиной Элейн, женщина вдруг рухнула на колени.

— Элейн, умоляю, помоги! Мой сын Хильяр умирает! Его всего изжалили дикие пчёлы. Он без сознания, весь горит, тело распухло...

Голос её надломился.

— Да, конечно, — быстро сказала Элейн и бросилась на кухню.

Она схватила бутылку с яблочным уксусом и сунула её Анге в руки.

— Я приготовлю мазь, но на это нужно время. А пока разбавь ложку уксуса в чашке воды и оботри всё тело Хильяра. Жар должен начать спадать.

Анга, бормоча слова благодарности и кланяясь, поспешила домой.

Элейн вернулась в свою комнату, достала эльфийскую книгу и быстро нашла нужный рецепт. Она разложила травы, поставила на стол горелку, водрузила на неё котёл и принялась за работу.

Когда за окном уже рассвело, Элейн всё ещё стояла над котлом — в ночной рубашке, с растрёпанными волосами, не отрываясь от зелья.

— Элейн, ты совсем не спала? — сокрушённо сказала только что проснувшаяся Друда. — Хильяр столько тебе зла сделал, а ты всю ночь ему лекарство варишь. Доченька, хоть оденься. Совсем ведь замёрзла.

— Матушка, я не могу отойти. Рецепт сложный, — пробормотала Элейн, не поднимая глаз.

Её и правда уже начинало трясти от холода.

Друда растопила печь. Огонь весело затрещал, и вскоре по дому разлилось тепло. Элейн немного расслабилась; озноб понемногу отпустил.

— Я схожу к Хайде, куплю молока, — сказала Друда и вышла.

Вернулась она с ещё тёплым кувшином и, наливая дочери молоко, заговорила:

— Представляешь, что этот Хильяр учудил? Вчера весь день хвастался, что добудет мёд диких пчёл. Его друзья отговаривали, да куда там — упрямый, как горный баран. Он отправился в лес, и видно что-то пошло не так. Хильяр смог добраться лишь до дороги, где его и обнаружили всего изжале́нного.

Она отрезала большой кусок хлеба и подала Элейн.

— Поешь хоть немного, а то скоро с ног свалишься. — произнесла она с заботой, вглядываясь в изможденное лицо дочери.

Затем достала с полки плетёную корзину.

— А я схожу на болото. Надо набрать молодых побегов мирта.

— Матушка, давай завтра сходим вместе. За день с ним ничего не случится, — сказала Элейн, не отрываясь от котла.

— Ну нет. Ты и так ночь не спала. Со мной ничего не случится. До темноты успею вернуться.

Друда поцеловала дочь в щёку, надела свой старый потёртый жилет и ушла.

К обеду мазь была готова. Элейн перелила её в баночку и поспешила к дому Хильяра.

Дверь открыла Анга. Глаза у неё были красными, лицо — серым от усталости.

— Вот, — Элейн протянула ей ещё тёплую баночку. — Намажь его сейчас и ещё раз вечером.

— Спасибо тебе, Элейн, — едва слышно прошептала Анга. — Да хранят тебя боги, дитя.

Элейн вернулась домой, и как только переступила порог, усталость навалилась на неё всем грузом. Из последних сил она добрела до кровати и, как только её голова коснулась подушки, провалилась в глубокий сон. Проснулась она уже в сумерках.

Друды дома не было.

Элейн растопила очаг, принялась готовить еду, но тревога всё крепче сжимала сердце. Когда на город опустилась ночь и закрылись ворота, она уже не смогла сидеть на месте и бросилась к дому ярла.

— Воибор! Господин, откройте!

Она колотила в дверь так, будто могла пробить в ней дыру

— Умоляю, откройте! — кричала она, и её голос дрожал от волнения и отчаяния.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Воибор.

— Что стряслось, дитя? — с беспокойством спросил ярл, глядя на её взволнованное лицо.

— Моя матушка... Она с утра пошла на болото за миртом и до сих пор не вернулась, — выговорила Элейн, дрожащими руками вцепившись в рукав ярла. — Прошу вас, пошлите людей на поиски. Я умоляю.

— Успокойся, — мягко сказал Воибор. — На рассвете я отправлю людей. А ты иди домой и жди вестей.

Но ждать было невыносимо. Ночь тянулась бесконечно.

Элейн металась на кровати, кутаясь в тонкое одеяло, и каждый шорох казался ей дурным знаком. Лишь на рассвете, когда за окном раздался лай собак и топот мужских ног, она поняла: поиски начались. Она просидела у окна всё утро.

Солнце поднялось уже высоко, когда за дверью послышались шаги. Раздался тихий стук. Вошёл Воибор. В руках у него была корзина Друды. Он остановился, будто не зная, с чего начать. Потом сипло произнёс:

— Элейн... девочка... Друды больше нет.

Слова обрушились на неё, как удар.

— У болота мы нашли корзину с миртом, — продолжил ярл. — Ветка дерева была сломана. Видно, она пыталась выбраться из топи, но не смогла.

Элейн молча смотрела на него, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть.

— Мне очень жаль, дитя, — сказал Воибор и осторожно взял её за руки. — Если тебе что-то понадобится — только скажи.

Её глаза наполнились слезами, и вдруг тело охватила дрожь. Воибор неловко обнял девушку, и, прижавшись к его плечу, Элейн беззвучно заплакала.

Когда ярл ушёл, она закрыла дверь на засов и рухнула на кровать.

— Матушка... зачем ты одна пошла на болото?.. — шептала она сквозь слёзы. — Если бы я была с тобой...

Вскоре в дверь забарабанили.

— Элейн, открой! Это я! — кричал Белотур.

— Уйди... — раздался безжизненный голос Элейн. — Оставь меня. Я хочу побыть одна.

Он приходил каждый день. И каждый раз Элейн прогоняла его.

На третий день Белотур снова явился и, стукнув в дверь, сказал:

— Элейн, открой. Нужно провести похоронный обряд. Отец уже приготовил жертвенного козла. Если не откроешь — я выломаю дверь, — в подтверждение своих слов он сильно ударил кулаком.

За дверью послышались тихие шаги. Она отворилась. На пороге стояла Элейн — бледная, с тёмными кругами под глазами, с пустым взглядом, в котором уже не осталось слёз.

— Элейн... — Белотур попытался обнять её за плечи, но она мягко отстранилась.

— Не надо.

Она медленно пошла к Долине богов. Белотур двинулся следом. Там уже собрались люди. Стоило им увидеть Элейн, как по толпе пробежал шёпот:

— Смотри, дочка Друды сама как покойница...

Элейн даже не повернула головы. Она подошла к идолам и услышала, как Ведана спорит с Воибором:

— Как я проведу обряд без тела? — скрипуче кричала жрица. — Друда утопла. Теперь она станет навьей.

Ярл приблизился вплотную к жрице.

— Твоё дело — принести жертву и помолиться за упокой Друды. Начинай.

Тут Ведана заметила Элейн и вскинула посох.

— Эта девка приносит одну беду! Сколько ещё тебе нужно доказательств, ярл? — прошипела она. — Смерть идёт за ней. Это она виновна в гибели Друды! Из-за неё Морена наслёт беду на всех нас!

— Ведана, уймись! — проревел Воибор, нависая над жрицей. — Иначе, клянусь богами, я убью тебя.

Послышался нарастающий шепот людей:

— Неужели Элейн и вправду причина всех бед?

— Она лечит лучше жрицы, зная с темными силами в стоворе. Разве может обычная травница делать такие лекарства? — шептались старухи между собой.

— Дааа... Точно, Элейн продалась тьме, — вторила им пухлая женщина.

— И ярла она зачаровала. Видишь, как её защищает! — не унимались старухи.

Элейн медленно обвела всех тяжёлым взглядом.

Боль утраты всё ещё жгла её изнутри, но теперь к ней примешались гнев и отвращение.

Когда её глаза встретились с глазами Веданы, та вдруг осеклась. Жрица не боялась Воибора — но сейчас её охватил настоящий страх. В хрупкой девушке она вдруг ощутила такую силу, что невольно отступила. И, подчиняясь этой силе, Ведана принесла жертву богам и провела погребальный обряд. Жрица ощутила беспомощность перед скрытой силой Элейн, и это лишь усиливало черную ненависть, которая зародилась в её душе.

После окончания обряда Элейн, не произнеся ни слова, пошла прочь. Она не хотела больше видеть всех этих людей.

Вернувшись домой, она собрала на столе всё необходимое — еду, припасы, посуду — и протянула руку.

— Тиелим.

С мягким щелчком вещи исчезли. Элейн вышла из дома, даже не заперев дверь.

11. Одна в лесу

Элейн вышла за городские ворота и быстрым шагом направилась к лесу. Её тянуло к одному-единственному месту — в хижину, где когда-то ждал её Таурендил.

Она вспомнила о своем учителе, и на её душе стало тревожно. Уже началось лето, а его все не было. Где он? Что с ним произошло? Таурендил был единственным, кого Элейн хотела сейчас видеть. Может быть, он там.

Она ускорила шаг, и когда вбежала внутрь, дом встретил её пустотой. На столе лежала пыль, в углах висела паутина, очаг давно остыл.

К горлу подступил ком и навернулись слёзы.

Элейн с усилием вытерла глаза, разожгла огонь и принялась за уборку. Через пару часов хижина сияла чистотой, а по комнате витал запах горячей еды.

Сидя у очага и глядя на пляшущий огонь, Элейн вдруг поняла: здесь, вдали от людей, ей впервые за последние дни дышится свободно.

Этой ночью она впервые заснула спокойно.

На следующий день, уже ближе к полудню, её разбудил громкий встревоженный крик: — Элейн!

Белотур метался по лесу, отчаянно зовя её.

Элейн вышла из-за деревьев и тихо сказала:

— Я здесь.

Он резко обернулся, подбежал и крепко обнял её.

— Зачем ты ушла? Я с ума сходил от беспокойства!

Элейн осторожно высвободилась.

— Я больше не могу видеть этих людей, — хрипло сказала она. — Я устала доказывать, что я одна из норландов. Для них я всё равно всегда останусь чужой.

Белотур нежно, но решительно взял Элейн за плечи. Он с силой сжал их, стараясь передать ей ту уверенность и поддержку, которая, как ему казалось, была ей сейчас особенно необходима.

— Элейн, ты выросла в Айсвиле. Ты столько сделала для людей. Они ценят тебя даже больше, чем Ведану.

Но Элейн лишь печально покачала головой, в её глазах читалась грусть и разочарование.

— Как только Ведана обвинила меня в смерти матушки, все сразу ей поверили. Таурендил был прав: у людей слишком короткая память.

Белотур сжал кулаки.

— Это всё старая карга Ведана. Вечно сеет смуту, — он посмотрел ей в глаза с волнением и надеждой. — Элейн, я знаю, как заставить всех замолчать. Стань моей женой — и никто из них не посмеет даже подумать причинить тебе вред.

Элейн тихо покачала головой и отстранилась.

Белотур отвернулся, со злостью ударил кулаком по дереву и застонал. Она подошла, мягко коснулась его спины и повернула к себе.

Элейн посмотрела на искаженное от боли лицо Белотура. Только теперь она поняла, как он изменился. Перед ней уже был не мальчишка из детства, а молодой мужчина — высокий, крепкий, с рыжими, слегка вьющимися волосами, серо-голубыми глазами и первыми следами щетины. Он всё больше становился похож на своего отца.

Элейн обняла ладонями его лицо.

— Пойми, Белотур. Рано или поздно ты станешь ярлом. Народ не простит тебе такой жены, как я. Начнётся смута. Я не хочу быть причиной твоих бед.

В глазах Белотура читалась боль и отчаяние.

— Скажи только одно: если я тебе не люб, я оставлю тебя в покое и больше никогда к этому не вернусь.

Элейн молча обняла его за шею и прижалась к груди.

С детства этот рыжеволосый парень с веснушками был ей дороже всех. Но только теперь она поняла, что он значит для неё куда больше, чем просто друг.

Белотур крепко обнял её и поцеловал в каштановые волосы.

— Элейн, — сказал он тихо, но уверенно, — я обязательно что-нибудь придумаю. А сейчас давай вернемся в Айсвиль. Я не хочу, чтобы ты жила в лесу. Это не место для тебя.

— Я не хочу возвращаться. Не сейчас, — покачала головой Элейн, но, увидев опечаленный взгляд Белотура, успокоила его. — В лесу есть скрытая от людских глаз хижина. В ней-то я и живу. Возвращайся домой, не беспокойся. Ты всегда сможешь найти меня здесь.

Она мягко высвободилась из его объятий.

Через несколько дней Белотур пришёл снова — с большой корзиной продуктов и луком за спиной.

— Элейн, когда отец узнал, что ты не хочешь возвращаться, то велел передать тебе еду, — сказал он с улыбкой. — А это от меня. Он снял со спины лук и протянул ей.

Элейн удивлённо посмотрела на него.

— Это же эльфийский лук. Подарок твоего отца.

— Теперь он твой, — твёрдо сказал Белотур. — Когда я научу тебя стрелять, мне будет спокойнее.

Он сам надел ей на плечо колчан и повёл на поляну.

Они остановились у старого сухого дерева.

— Здесь и начнём.

Элейн взяла лук. На нём были вырезаны летящие птицы, а рукоять обвивала тонкая ветвь.

— Возьми стрелу, натяни тетиву.

Белотур подошёл ближе и осторожно помог подруге правильно поставить руки.

— Спокойно, — тихо сказал он. — Дыши ровно. А теперь отпусти.

Стрела улетела всего на пару шагов.

— Ничего, — усмехнулся Белотур. — У всех так поначалу. Я сам только через два дня в мишень попал.

Элейн упрямо продолжала. Пальцы болели, руки дрожали, но она стреляла снова и снова.

И наконец одна из стрел со свистом вонзилась в дерево.

Белотур присвистнул.

— Вот это да! Какая ты молодец!

Он посмотрел на смеющуюся Элейн и улыбнулся:

— Я рад видеть тебя снова весёлой.

Белотур осторожно поправил выбившуюся прядь её каштановых волос и, смутившись, неловко поцеловал в губы.

Элейн опустила голову. Белотур тоже покраснел.

— Давай... продолжим тренировку, — кашлянув, сказал он.

С тех пор она упражнялась каждый день. И вскоре стала настолько меткой, что могла попасть в тонкое дерево со ста шагов и без труда добыть себе зайца на обед.

Незаметно подкралась осень.

Однажды вечером Элейн сидела у очага, задумчиво глядя на огонь. Дверь тихо скрипнула. На пороге стоял Таурендил.

— Нае сиан, учитель! — воскликнула Элейн и бросилась к нему.

Эльф растерянно посмотрел на неё.

— Дитя... что ты здесь делаешь? Что-то случилось?

Но Элейн уже не могла говорить. Она уткнулась ему в грудь и разрыдалась.

Таурендил осторожно гладил её по волосам.

— Учитель... матушки больше нет. Она утонула в болоте, — всхлипывая произнесла она.

Эльф крепче обнял Элейн.

— Девочка моя...

— Жрица настроила против меня людей. Мне пришлось уйти. Я живу здесь всё лето. В душе Таурендила вспыхнул гнев, но он лишь сильнее сжал зубы.

— Учитель... ты надолго пришёл?

Эльф с грустью покачал головой.

— Нет, дитя. Утром мне нужно уйти.

Элейн подняла на него заплаканные глаза.

— Забери меня с собой! Прошу! У меня никого не осталось, кроме тебя!

Таурендил тяжело вздохнул.

— Я не могу, девочка моя. Это слишком опасно. Если бы я только мог...

Он увёл её к очагу. В свете огня Элейн вдруг увидела, как сильно он изменился: лицо осунулось, у глаз залегли морщины, а в тёмных волосах заметно прибавилось седины.

— Что случилось?

— Наступили тёмные времена, — тихо сказал Таурендил. — И может стать так, что я больше не смогу прийти.

Он увидел, как глаза Элейн снова наполнились слезами, и она опустила голову. Эльф взял её ладони в свои руки и спокойно сказал:

— У меня кое-что для тебя есть.

Таурендил достал небольшой сверток и отдал Элейн.

Она развернула ткань и увидела медальон. В центре тускло мерцал продолговатый белый камень, оплетённый серебряными ветвями. На обратной стороне была эльфийская монограмма.

Таурендил надел медальон ей на шею.

— Он принадлежал твоему отцу. Береги его.

Потом серьёзно добавил:

— Девочка моя, ты должна вернуться в Айсвиль.

Элейн хотела возразить, но он перебил:

— Ты не сможешь перезимовать здесь. Обещай мне, что вернешься домой. Я обязательно найду тебя, как только представится возможность.

После долгой паузы она всё же кивнула.

— Уже очень поздно, дитя. Пора тебе ложиться спать.

— Учитель, я хочу побыть с тобой, — тихо сказала она, прижавшись к его плечу.

— Не упрямься, — мягко произнес Таурендил.

Он уложил её на кровать, накрыл одеялом и сел рядом.

— Я всё равно не усну, — пробормотала Элейн.

Таурендил улыбнулся.

— Закрывай глаза, дитя, а я спою тебе песню. Давным-давно мне её пела мать перед сном.

Он запел тихую эльфийскую колыбельную, и от его спокойного голоса Элейн незаметно провалилась в сон.

Когда она наконец проснулась, утренние лучи солнца уже ярко освещали комнату.

— Таурендил! — вскрикнула Элейн, вскочив на ноги.

Её сердце бешено колотилось.

Она оглядела дом: очаг уже был потушен, в комнате никого не было. Элейн выбежала на улицу.

— Учитель!

Ответом ей был только ветер в кронах деревьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.